

Воображаемые границы реального

ТЕКСТ И ФОТО ОЛЕГ ЕСЮНИН

ОДНА

Я опять ехал на Афон и очень волновался: не забреду ли с палками для скандинавской ходьбы вместо посоха туда, куда не надо; пойму ли, что попал в то место, где грех неизбежен; и что будет со мной, если случайно попрошу приюта в чуждом нам теперь греческом монастыре Ватопед. Пять лет назад это сошло мне с рук. Тогда меня приютили, накормили ужином и завтраком с монастырским вином. Тогда на Афоне не было воображаемых границ, уже две тысячи лет, как не было. Главное условие — не быть женщиной. И я его честно выполнил. Теперь всё изменилось. Хотя я всё ещё не стал женщиной, мне рассказывали, что гражданам России молиться и причащаться разрешено только в русском монастыре Святого Пантелеймона. А священнослужителям РПЦ въезд на Афон совсем запрещён.

Моя точка зрения, как оказалось, тоже зависела от места нахождения. «Идёт нормальный процесс очищения церкви», — понял я, вступив на территорию автономного монашеского государства Святой горы, и, осознав, что теперь я паломник, сразу успокоился.